

Среди тех, кто противостоит семье Лу, похоже, был и Чжан Линь. Лу Ли подозревал, что они связаны с теми, кто устраивает мелкие пакости.

— Семья Чжоу — нет, вряд ли, иначе они бы не позволили Цзыи войти в «Кайсу». Семья Фу — тоже нет, Фу и Чжоу почти одно целое, и я помню, как в детстве они вместе ходили к прадедушке поздравлять с Новым годом. По крайней мере, отношения с семьёй Лу у них хорошие...

Лу Сюэцин допил красное вино и поставил бокал в сторону.

— Семья Шэнь... Раньше Шэнь Сячу, возглавив «Чанся», конфликтовал с «Кайсой», но сейчас они сотрудничают... — Лу Ли закусил нижнюю губу. — Остаётся только семья Се... Однако жена старшего из семьи Се, Чжао Чжиин... Её родственники и двоюродная сестра...

Лу Сюэцин спросил:

— Ты знаешь, какие отрасли у семьи Лу?

Лу Ли задумался:

— Недвижимость, пищевая компания, стекольная, транспортная, шёлкоткачество, кажется, есть что-то связанное с шёлком? Ещё кое-что... Да, в провинции Цзян есть магазин электроники, и ещё... — Он лишь слышал об этом, но точно не знал, сколько всего.

— В бизнесе не всегда всё сводится к борьбе не на жизнь, а на смерть. Есть ещё отношения и сотрудничество. Пять великих семей за столько лет в разных отраслях нашли точки соприкосновения. Например, у семьи Лу основные отрасли — это энергетика, недвижимость и логистика... Хотя и другие направления есть, но они не главные.

— Если бы все действительно сотрудничали с радостью, разве сейчас было бы столько проблем?

Лу Сюэцин ответил:

— Конечно, конкуренции не избежать. Если считать врагов и друзей, то остальные семьи — это и враги, и друзья одновременно.

— Ты хочешь сказать, что даже история с Ло Шаньна и Чжан Линь — это просто обычное дело, когда те, кто одновременно и враги, и друзья, действуют с позиции врага.

Лу Сюэцин сказал:

— Лу Ли, тебе всего двадцать лет.

Услышав это, Лу Ли не смог сдержать гнева. Разве двадцать лет — это мало? Двадцать лет — это уже много! Если эти так называемые «друзья» время от времени вставляют палки в колёса, то почему невинные люди должны страдать? Разве это справедливо?

Лу Сюэцин, конечно, заметил его злость, покачал головой и фыркнул:

— Если бы твои друзья противостояли семье Лу, на чьей стороне ты бы встал?

Лу Ли вздрогнул и с недоверием посмотрел на него.

Лу Сюцзин продолжил:

— Некоторые вещи изначально не имеют правильного или неправильного ответа, это просто борьба.

Лу Ли почувствовал тревогу, так как слова Лу Сюцзина, казалось, намекали на что-то. На самом деле, когда он анализировал ситуацию, он почти убедился, что это дело рук семьи Се. Первое — у семьи Се и его друзей нет особых связей. Второе — Лу Яо была с человеком из семьи Чжао, но семья Лу не согласилась, даже «заставила» её сбежать... Лу Ли уже начал думать, что, возможно, семья Лу не хотела связываться с семьёй Се из-за близости с семьёй Чжао, поэтому и вынудила Лу Яо уйти...

Но что, если это семья Чжоу или Фу? Если бы это была семья Шэнь, ещё куда ни шло, но если семья Чжоу или Фу?

У семьи Чжоу Чжоу Цзыи хорошие отношения, а Фу Юньлань только недавно вернулся в семью...

Лу Ли не осмелился углубляться в эти мысли. Если у них такие хорошие отношения, но их родственники воюют между собой?

Лу Сюцзин сказал:

— Чёрное, белое, серое. Нельзя ожидать, что все цвета будут чистыми.

Он многозначительно посмотрел на Лу Ли:

— Иногда серое можно отнести к белому, а иногда — к чёрному... К какому цвету оно будет отнесено, зависит только от того, как кто-то захочет.

— Если захотят, даже если в этом сером будет лишь чуть-чуть белого, и оно будет почти неотлично от чисто чёрного, оно всё равно станет белым. Если не захотят... — продолжил Лу Сюцзин, — то, каким бы белым оно ни казалось, если это не чистое белое, оно не станет им!

Лу Ли долго молчал, а затем сказал:

— Ты сейчас стихи сочиняешь?

Лу Сюцзин нахмурился.

Лу Ли продолжил:

— Мне не три года, я знаю, что мир не чёрно-белый...

— Ты действительно знаешь? — перебил Лу Сюцзин. — Некоторые вещи, узнав, уже не сможешь от них отстраниться. Лучше бы ты не знал.

Лу Ли спросил:

— Например?

Его голос стал серьёзнее:

— Что ты знаешь, а я нет? Ты всегда так самоуверен, я тебе говорю, тебе не нужно скрывать от

меня, мне уже двадцать, и ты теперь не старше меня на поколение!

В глазах Лу Сюцзина мелькнуло что-то, а затем он медленно взял со стола бокал и налил треть красного вина.

Лу Ли с нетерпением наблюдал за его действиями и сказал:

— Я вовлечён в это, и я считаю, что не должен оставаться в неведении. Я думаю...

— Дедушка знает, — вдруг сказал Лу Сюцзин.

Лу Ли резко прервался, не сразу поняв:

— Что?

— Дедушка знает, — повторил Лу Сюцзин. — Знает о наших отношениях.

Лу Ли нахмурился из-за его формулировки:

— Что значит «знает о наших отношениях», прадедушка он...

— Знает, что у нас проблемы, знает, что я изменил наши отношения в документе и удостоверении личности, знает... знает многое.

Лу Ли на мгновение замер, не зная, то ли он не верит, то ли не понимает слов Лу Сюцзина. Лу Сюцзин допил вино и поставил бокал на стеклянный стол. Затем он встал и вошёл в дом, не закрыв за собой дверь. Полы его пальто развевались на ветру.

Прошло не меньше пяти-шести минут, прежде чем Лу Ли пришёл в себя. Он всё ещё сидел за стеклянным столом под навесом на балконе, а на столе стояли два бокала — один перевернут, другой стоит прямо, и в нём ещё осталось немного вина, тёмно-красного, выглядевшего очень красиво.

Неужели он имел в виду это? Сердце Лу Ли забилось сильнее. Может быть? Это не невозможно... Прадедушка в этот раз вёл себя с ним как обычно, в начале — нет, скорее, позже, позже он, кажется, вёл себя немного странно. Но эта странность была не настолько... Если бы прадедушка действительно знал, что Лу Сюцзин к нему... Не может быть! Разве Лу Сюцзин мог прямо сказать об этом прадедушке? Если он не мог сказать, то как прадедушка мог узнать?

Он встал из-за стола и вошёл внутрь:

— Что ты имел в виду, объясни!

Лу Сюцзин открыл дверь комнаты и сидел на кровати. Лу Ли прямо вошёл в его комнату:

— Ты только что сказал про прадедушку...?!

Лу Сюцзин спокойно подтвердил:

— Дедушка он знает.

Лу Ли интуитивно понял, что Лу Сюцзин знает, о чём он говорит, и предыдущие намёки были довольно явными:

— Ты имеешь в виду что-то другое, или ты имеешь в виду, что у тебя ко мне есть намерения?

Чтобы избежать малейшей ошибки, Лу Ли прямо задал вопрос.

Лу Сюцзин ответил:

— Второе.

— ...Как он узнал?

— Причина не важна, важно то, что дедушка уже знает.

Лу Ли пошевелил губами, но не смог ничего сказать.

Лу Сюцзин продолжил:

— Дедушка велел мне не трогать тебя. Изначально он хотел, чтобы ты жил здесь, но у него есть опасения...

Лу Ли не мог поверить, что он так спокойно это произнёс! Неужели у него совсем нет стыда?

Лу Сюцзин встал, обошёл кровать и направился к тумбочке:

— Так что теперь ты можешь быть спокоен.

Лу Ли чувствовал, как его лицо загорается, словно от жара. То, что прадедушка знает об этом, заставляло его чувствовать себя неловко. А тот, кто должен был чувствовать себя ещё более неловко, казался совершенно спокойным. Он достал из шкафа папку и бросил её на кровать:

— Ты можешь посмотреть это.

Лу Сюцзин стоял у кровати, а брошенная папка оказалась ближе к внутренней стороне. Кровать в комнате была двуспальной, довольно большой, и Лу Ли, вместо того чтобы обходить, как Лу Сюцзин, наклонился и потянул папку за угол.

Пока Лу Ли просматривал документы, Лу Сюцзин вышел из комнаты.

Это была папка с документами о Ло Шаньна.

После развода с Лу Сюцзином Ло Шаньна вышла замуж в Германии, и в те дни она наслаждалась роскошью. Позже Лу Сюцзин уехал за границу и разорил её нового мужа, после чего жизнь Ло Шаньна резко ухудшилась.

<http://bllate.org/book/16232/1459609>